

МАРТ – МАЙ
2010

Глаголица

ГАЗЕТА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Электронная версия газеты в Интернете: www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

3

In Memoriam
ГЕОРГИЙ
КОНСТАНТИНОВИЧ
КОСИКОВ

30 марта 2010 года в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова состоялся вечер, посвященный 120-летию русского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, выпускника Московского университета – Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960). Среди многочисленных поклонников его творчества есть тот, для кого произведения классика имеют особую ценность. Это старший сын поэта от первого брака Евгений Борисович Пастернак (р. 1923), который, несмотря на преклонный возраст и бесконечную погруженность в работу (удивительное трудолюбие, видимо, уна-

4

Н. А. Соловьева
БАЙРОН В РОССИИ

декана по научной работе, заведующий кафедрой теории литературы профессор Олег Алексеевич Клинг. По его просьбе приглашенные рассказали немного о себе, после чего Евгений Борисович Пастернак поделился воспоминаниями об отце и поведал о своей исследовательской деятельности: «Сам я кончил школу в год объявления войны. Вчера по телевидению я видел одного из режиссеров, который рассказывал, как он копал противотанковый ров между Москвой и Смоленском. На эти окопные работы меня тоже отправили. Я оттуда вернулся. Попав в Москву, приехал к отцу в Переделкино. Через неделю после моего возвращения Москву стали бомбить, и мамочку эвакуировали в Ташкент, куда мне военкомат разрешил ехать вместе с ней. Там я поступил на физический факультет Среднеазиатского университета, потому что в те времена заниматься гуманитарными науками значило лгать, а это для человека недопустимо. Сейчас дело обстоит иначе. С этого факультета, после того как я сдал успешно первую сессию, меня мобилизовали в военную академию бронетанковых войск, в которой я проучился до 1946 года и больше в войне не участвовал. Меня послали служить в гарнизоны. Я всячески стремился из армии уйти, но это было невозможно. Только в 1954 году, после смерти Сталина и сокращения вооруженных сил, мне удалось с риском избавиться от этой обузы. Я приехал в Москву, где поначалу преподавал автоматику в Московском авиаци-

онном приборостроительном техникуме, а потом перешел в Московский энергетический институт. В отцовых делах я участия не принимал, хотя все, что он делал, до меня доходило сразу. “Доктора Живаго” я читал по мере его написания, начиная с 1947 года. На мои попытки как-то помочь папочка всегда отвечал, что, пока он жив, своими делами будет заниматься самостоятельно и если я найду в себе силы, то после его смерти смогу в этом поучаствовать, как мне заблагорассудится. Меня очень болезненно и близко коснулись последние годы жизни отца, его мировая слава, обернувшаяся здесь гонениями и практически открытым насилием. После смерти папочки мы помогали его вдове, Зинаиде Николаевне, в первых издательских делах, в разборке отцовых книг и бумаг. По ее предложению через два года после смерти отца переехали в сторожку пастернаковской дачи в Переделкине, где прожили, пока всех нас не выселили по постановлению суда в 1984 году. Я занялся литературной частью, тем, что сейчас стали называть пастернаковедением. Во-первых, с Еленой Владимировной мы выпустили комментированное второе издание стихотворений Пастернака в большой серии “Библиотеки поэта”. А во-вторых, я решил, что могу написать и постараться издать материалы к биографии Бориса Пастернака...»

7

А. А. Чумаченко
КОГО И ЧТО
ПРОВЕРЯЕТ ЕГЭ?

ледованное от отца), согласился выступить перед филологами. Вместе с ним в Пушкинскую гостиную пришла супруга, Елена Владимировна Пастернак, помогавшая мужу в составлении и комментировании «Полного собрания сочинений» Б. Л. Пастернака, а также в написании его биографии. Кроме того, на встрече присутствовала внучка поэта, Елена Леонидовна Пастернак, доцент кафедры французского языка филологического факультета.

Интерес родственников Б. Л. Пастернака оказался настолько велик, что присутствовавшим пришлось перейти в более просторную аудиторию, однако это не нарушило камерной атмосферы литературного вечера, который открыл заместитель

Окончание на странице 2.

ПАСТЕРНАКИ О ПАСТЕРНАКЕ

Окончание. Начало на странице 1.

«...Я был в это время младшим научным сотрудником в ИМЛИ. Свои занятия автоматикой вынужден был бросить в 1974 году после того, как мы провожали семью Солженицыных в изгнание. Это послужило политической причиной моего увольнения с поста доцента кафедры автоматик. В действительности это было счастьем, потому что я смог заняться творчеством отца».

Из аудитории посыпались вопросы. Один из них касался отношения Евгения Борисовича к другим биографиям Б.Л.Пастернака. Из ответа следовало, что сын высоко оценивает книгу Дмитрия Быкова, хотя и не согласен с оценкой биографом отношений Б.Л.Пастернака с В.В.Маяковским. «Но, – заключил Евгений Борисович, – эта книга написана с любовью и

увлекательно». Из других книг об отце были отмечены работы Лазаря Флейшмана. Неожиданно прозвучал вопрос о том, не посещала ли Евгения Борисовича мысль об эмиграции в период гонений и запретов. «Нас посещала эта мысль, – признался он, – мы посоветовались со своими детьми и решили оставаться здесь». Не менее острыми были вопросы об отношениях Бориса Пастернака с отцом, судьбе архива и экранизациях «Доктора Живаго». Как выяснилось, американскую кино постановку Евгений Борисович оценил намного выше российской и английской, хотя она и далека от текста романа. Один из студентов поинтересовался, на какие явления русской литературы второй половины XX века творчество Б.Л.Пастернака оказало большое влияние, однако Евгений Борисович не стал отвечать, поскольку не считает себя специалистом

в этой области. Главным помощником в собственных исследованиях он назвал Елену Владимировну, жену и выпускницу классического отделения филологического факультета, которая рассказала о работе по собиранию и сохранению наследия Б.Л.Пастернака: «Нам всегда хотелось прокомментировать стихи Бориса Леонидовича и его прозу теми событиями жизни, которые вызвали эти произведения, поэтому были очень рады возможности подготовить “Полное собрание сочинений”». Елена Леонидовна Пастернак говорила, по собственному признанию, не как родственница, а как читательница. Она отметила уникальность встречи и поблагодарила всех присутствовавших за внимание к творчеству писателя и деятельности его сына.

Логичным продолжением вечера стало чтение стихотворений Б.Л.Пас-

тернака студентами и аспирантами (среди которых особенно выделялись иностранные учащиеся из Германии, Дании, Испании, Норвегии, Таиланда, Южной Кореи, Японии). Не случайными в этой связи были слова О.А.Клинга, проводившего встречу: «У классика участь печальная, когда его только изучают. Если Бориса Пастернака читают, значит, он действительно нужен нам». Евгений Борисович тоже прочитал стихотворение своего отца – одно из лучших его произведений – «На Страстной».

На нашем факультете происходит много интересных событий, но не будет преувеличением сказать, что состоявшаяся встреча – из числа выдающихся.

Текст Алексея Холикова
Фото Елены Тупикиной

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

20–23 марта 2010 года на нашем факультете проходил IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». За хроникой событий, вооружившись фотоаппаратом, следила Александра Трипалина.

Г. К. КОСИКОВ: ЛУЧШИЕ ОСТАЮТСЯ В РОССИИ

Георгий Константинович Косиков (1944–2010) – филолог, переводчик, специалист по истории европейских литератур. Лауреат Ломоносовской премии (1996), французской Премии им. Анатоля Леруа-Болье (2001). В 2006 году Правительство Французской республики присвоило Косикову звание Офицера ордена Академических Пальм.

29 марта нас покинул Георгий Константинович Косиков, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ, человек, благодаря которому русские читатели смогли познакомиться с трудами Барта, Грейсмаса, Кристевой. Тот, кто в советское время, несмотря на все сложности, работал над «неудобными» авторами, по крупицам собирал и публиковал отрывки в журналах, готовил к публикации книги, дождавшиеся своего часа. Он внимательно следил за развитием современной французской прозы, его рецензии были верными ориентирами для читателя. Так, еще в 1966 году Косиков сумел найти точные слова для определения своеобразия стиля Жана-Мари Гюстава Ле Клезю, Нобелевского лауреата 2008 года.

Георгию Константиновичу было всего 65. Специалист по истории французской литературы, постмодернизму, теории литературы и методологии гуманитарных наук, он преподавал в МГУ с 1970 года. Нам, его студентам, казалось, что он здесь «от века» и безраздельно принадлежит университету. Ученый *rag excellence*, в высшем смысле слова. На его лекциях становились близкими и понятными Платон и Аристотель, Гегель и Кант, Фихте, Гуссерль, Лакан и Греймас. Эта ясность и простота были сгустком преодоленной сложности.

Переводы Косикова, опубликованные в книге «Структурализм: “за” и “против”» (1975), стали началом его работы над изданием «Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму», вышедшем в 2000 году, а также отправной точкой для многих поколений филологов, изучающих развитие критической мысли XX века.

Под его редакцией увидели свет на русском языке не только труды французских структуралистов и постструктуралистов, но и сборники произведений Ф. Вийона, М. Монтеня, Т. Готье, Ш. Бодлера, Лотреамона, П. Верлена и др. Косиков был членом редколлегий «Литературных памятников», журнала «Филологические науки».

Наш факультет потерял выдающегося ученого, блестящего лектора, великолепного научного руководителя, строгого и веселого, очень теплого и душевного человека. Это горестная и невозможная утрата не только для тех, кто знал его лично, учился на филологическом факультете, но и для тех филологов, исследователей литературы, которые во многих городах России с нетерпением ждали новых публикаций. Не случайно его персональный сайт «Мимесис» <http://www.libfl.ru/mimesis/> является часто посещаемым ресурсом, своего рода настольной библиотекой для наших студентов и для всех тех, кто интересуется развитием французской критической мысли.

Внимание французских коллег к Г. К. Косикову закономерно. Хотя его природная скромность и увлеченность научной работой не позволяли ему присутствовать на приемах и книжных ярмарках, его имя приобрело широкую медийную известность. Работа кафедры зарубежной литературы, которую он возглавлял с 1996 года, способствовала заключению договоров о сотрудничестве с французскими университетами. Его вклад в изучение французской культуры был высоко оценен: в 2007 году он был награжден орденом Офицера Академических Пальм.

В творчестве всех философов, поэтов и критиков его интересовало понятие свободы человека, заключающейся в торжестве духа, в творческой силе воображения. В своей речи, обращаясь к послу Франции и присутствовавшим на церемонии награждения гостям, Косиков подчеркнул, что взаимопонимание русских и французов основано на важности понятия свободы для обоих народов. Приведем отрывок из этой речи, в котором названы три ключевые фигуры, определившие понятие свободы во Франции: «Прежде всего, это Рабле, чей смех – это не что иное, как бунт человеческого разума против привычки, обычая и всего, что установлено раз и навсегда. Далее, это Сартр, сказавший однажды, что главное, это не то, что обстоятельства делают с человеком; главное, это то, что человек делает из того, что с ним сделали. И, наконец, это Ролан Барт, который, говоря о современном обществе, где человек со всех сторон окружен механизмами давления и подавления, противопоставил свободу как всякой авторитарности, так и стабильному чувству повторения».

Г. К. Косиков был отзывчивым человеком, великолепным научным руководителем, предоставлявшим свободу студенту, он умел воспитать самостоятельно мыслящих людей.

С ним хотелось говорить, к нему всегда можно было прибежать за советом, приятно было находиться в поле его взгляда: казалось, уже одно это дает энергию, включает способность размышлять.

Будет всегда не хватать возможности одного телефонного звонка – и спасительного разговора, после которого все роящиеся мысли упорядочиваются, выстраиваются, хочется их записать или, наоборот, возникают вопросы, и хочется рыть и докопаться до истины.

Он был очень требователен. Владислава Лукасик, член его команды переводчиков, вспоминает: «Переводя для “Интертекстуальности” Ролана Барта, звоню и в отчаянии говорю: “Совершенно непереволим, у меня уже три совершенно разных варианта накопилось”. Он отвечает: “Это немного...”».

Я, занимавшаяся поэтическими переводами Верлена, переписывала заново и заново, до тех пор, пока не прозвучит: «Вот это – другое дело».

Если кто-то из студентов читал в переводе, например, Башляра, он спрашивал: «Ну, как, понятно?» – и, слыша в ответ: «Не все, местами все слова знакомые, а смысл не складывается», – посмеивался: «Вот-вот, это переводчик «рыбу кладет». Он, умевший выразить любую мысль на родном языке, научил этому всю свою команду: «Кто ясно мыслит, ясно излагает».

О Косикове вспоминает Е. Д. Гальцова (ИМЛИ РАН, РГГУ): «Когда мы были студентами в «застойные» 1980-е годы, Георгий Константинович считался молодым преподавателем. И мы уже тогда понимали, что молодость эта не физическая и не, так сказать, иерархическая, а совершенно другое – интеллектуальная смелость, презрение к догматизму, ювелирная точность знаний, которыми он щедро делился со студентами, и никогда не покидавшее его чувство юмора. Его обожали все, кто хоть однажды слышал его лекции. Программа на романо-германском отделении филологического факультета МГУ для французских групп была построена так, что Георгий Константинович оказался первым руководителем наших курсовых работ, и, терпеливо обучая нас, как пользоваться библиотечными каталогами, оформлять сноски и

библиографии, он смог внушить нам самое главное: наука заключается в непрерывном поиске, непредсказуемом и рискованном, но всегда очень увлекательном. Еще тогда, на втором курсе, он открыл нам, что наука – это творчество и свобода. С тех пор я всегда чувствовала незримое присутствие Георгия Константиновича в моей работе, хотя никогда не была с ним связана институционально. Это было незримое, но всегда живое присутствие, которое иногда, но в очень важные моменты, оказывалось совершенно реальной и остро необходимой для меня поддержкой. Не могу поверить в то, что случилось. Не могу об этом говорить. Осталось горькое ощущение недосказанности и теперь уже бесконечно не выполненного морального долга... Последние годы я неоднократно слышала от Георгия Константиновича рассуждения об «удовольствии от текста». Этот термин французского семиолога Ролана Барта был, если так можно выразиться, внедрен с легкой руки Георгия Константиновича в российскую теорию литературы более двадцати лет назад и стал чрезвычайно популярным. Георгий Константинович иронизировал над многочисленными вульгаризациями бартовского понятия, но при этом сам – то ли в шутку, то ли всерьез – настаивал на том, чтобы исследователи непременно стремились к достижению этого совершенно особенного удовольствия. Светлая память».

Косикова отличала теплота внимания к другим. Он всегда мгновенно откликался на просьбы: его рекомендательные письма многим открыли двери французских университетов для стажировок, для написания диссертаций. Он гордился своим первым решением в роли заведующего кафедрой – повесить, наконец, зеркало для кафедральных дам!

Кажется, что вместе с ним ушел целый пласт культуры, закончилась эпоха, но этого нельзя допускать, каждый должен в его память работать с полной отдачей, как он нас учил.

Глубоко переживая кризис образования в нашей стране и так называемую «утечку мозгов», он не терял оптимизма и всегда повторял: «Все равно лучшие остаются в России». Мы будем об этом помнить.

Текст Екатерины Белавиной
Фото Алексея Холикова

БАЙРОН В РОССИИ

4 июля 2009 года в Пушкинских Горах было провозглашено создание Байроновского общества в Москве. Это было частью проекта Литературного института, организовавшего международную конференцию «Западный пушкинизм и русский байронизм: проблемы взаимосвязей», в которой приняли участие Институт мировой литературы имени М. Горького, МГУ имени М. В. Ломоносова, Московский педагогический государственный университет, а также гости из Великобритании, Ирландии, Италии, США, Германии, Украины, Беларуси. Широко были представлены на конференции российские университеты: Нижний Новгород, Саратов, Екатеринбург, Астрахань, С.-Петербург, Великий Новгород, Калуга, Архангельск. Среди гостей был также и Председатель байроновского общества Ньюстедского аббатства (Великобритания) д-р Питер Кохран (см. фото), активно поддерживающий создание Байроновского общества в России. В Великобритании существуют четыре байроновских общества, есть они также в Греции, Италии, Канаде.

География участников конференции свидетельствовала о большом интересе к творчеству Байрона в разных странах Ближнего и Дальнего зарубежья, к переводам его на русский язык и Пушкина на английский. Торжественное открытие конференции состоялось в Литературном институте, были прочитаны пленарные доклады русскими и иностранными участниками. Затем участники конференции отбыли в Пушкинский заповедник, где работу конференции продолжали секции и где были организованы экскурсии в Михайловское, Тригорское и Петровское. Культурная программа на этом не закончилась. Была представлена инсценировка по поэме Байрона «Видение суда», сыгранная английскими делегатами под руководством Питера Кохрана, бывшего актера и преподавателя актерского мастерства, а ныне издателя и интерпретатора произведений Байрона, издавшего многолетнюю переписку друзей и современников поэта. Он является автором монографии «Романтизм и Байрон», в которой использованы архивные материалы, ранее неизвестные читателю. Русские участники ответили своим английским коллегам импровизацией из произведений Пушкина. Поэтический дух пушкинских мест, казалось, зарядил всех творческой энергией. Перед отъездом из Пушкинских Гор подвели итоги состоявшейся конференции и предложили создать Байроновское общество в Москве.

Председателем московского байроновского общества единогласно была избрана д. ф. н. профессор МГУ Н. А. Соловьева, автор многих научных публикаций о Байроне. Место для проведения международной конференции выбрано как нельзя более удачно. В Михайловском и в доме Осиповых-Вульф в Тригорском портрет Байро-

на как бы напоминает о влиянии великого английского поэта на русскую литературу и культурную жизнь того времени, свидетельствует о существовании неразрывных связей между странами, имеющими богатые национальные традиции и считающими именно этих двух гениев олицетворением нации и ее культуры. В Англии осуществлено издание единственного в зарубежном мире полного собрания сочинений А. С. Пушкина, куда вошли наиболее значительные переводы русского поэта. В России лучшим переводом «Дон Жуана» считается перевод Т. Гнедич.

Можно сказать, что долгая одиссея Байрона в Россию увенчалась успехом.

В России Байрона приняли и как дипломата, и как величайшего поэта-романтика (переводы его произведений начали появляться с 1815 года), а байроновский герой – бунтарь и борец за справедливость и свободу, разочарованный и меланхолический, живущий и размышляющий о жизни, – нашел питательную почву именно в нашей стране, занявшей благодаря разгрому Наполеона видное место в европейской истории. Не случайно одной из тем, привлечших особое внимание зарубежных участников, была тема Отечественной войны 1812 года. Пожалуй, именно в России, находящейся на общественном подъеме и создающей современную литературу и культуру на национальном языке, байроновский герой, нашедший своих единомышленников в произведениях Пушкина и Лермонтова, декабристов и многих поэтов-романтиков, был очень популярен и оставался загадочно-привлекательным в течение последующих десятилетий. «Британской музы небылицы» тревожили «сон откровицы», что свидетельствовало о распространении английской романтической литературы в широкой читательской аудитории, в российской столице и в провинции. «Москвич в гарольдовом плаще» – пушкинский Онегин – поражал одновременно и своим сходством, и отличием от байроновского паломника. Это различие прекрасно выразил Лермонтов: «Нет,

я не Байрон, я – другой, еще неведомый изгнанник, как он, гонимый миром странник, но только с русскою душой». Байрон запечатлен на картине И. Айвазовского «Прибытие Байрона в монастырь св. Лазара в Венеции». Русское окружение Байрона в Италии было разнообразным и заслуживает особого внимания исследователей. М. Ю. Лермонтов написал в 16 лет «Корсара», с именем Байрона связаны многие русские дипломаты и политические деятели (Козловский, Чичагов), Байрон в Италии и Греции находился под пристальным наблюдением русской тайной полиции. Русские эпизоды из «Дон Жуана» были запрещены рос-

на службу в турецкую или русскую армию. Он мечтал приехать в Россию через Кавказ, и первый шаг фактически был сделан, когда он начал изучать армянский язык в монастыре св. Лазара в Венеции и в сотрудничестве с отцом Паскалем, прожившим два года в Англии и хорошо знавшим язык, составлял англо-армянский словарь. Он также признавался, что никогда не будет писать о стране, в которой он не был. И он нарушил это заявление, написав три песни «Дон Жуана», связанные с Россией. Так называемые русские эпизоды в поэме свидетельствуют, что Байрон интересовался Россией и прочитал о ее истории при Екатерине у Вольтера и шотландца Тука. Кроме того, при встрече со Стендалем в миланском театре Ла Скала английский поэт расспрашивал французского писателя о его участии в русском походе Наполеона. Обучаясь в Кембридже, Байрон не помышлял о поэтическом творчестве, он готовил себя к политической карьере. Знаменитый Гранд тур, обязательный для завершения образования знатного англичанина, был совершен именно с этими поставленными задачами – узнать жизнь других народов, их историю, культуру. «Я изучил наречия чужие, к чужим входил не чужестранцем я», – писал Байрон.

Нужно ли России сейчас это общество и какие его цели и задачи могут быть привлекательными в наше время, в эпоху массовой культуры и коммуникаций? Именно сейчас, когда духовные потребности общества подавлены потребительством, а гуманитарные науки кажутся невостребованными, когда молодежь воспитывается на безальтернативных условиях и чтение становится уделом немногих, любое приглашение к общению с интересными и талантливыми творческими личностями обогатит человека, расширит его кругозор и заставит задуматься не только об английском поэте Байроне, но и о собственной национальной культуре, многовековой и оригинальной, заслужившей международную репутацию. На первых порах задачи общества скромны: объединить людей, интересующихся творчеством Байрона и его влиянием на русскую литературу, организовывать встречи с переводчиками Байрона, устраивать чтения его произведений, способствовать тем самым воспитанию вкуса к поэзии и творчеству в целом, формируя таким образом творческий потенциал участников. Думаю, что Байроновское общество в Москве найдет поклонников таланта поэта, создавшего «Паломничество Чайльда Гарольда», «Дон Жуана», восточные поэмы и проникновенную лирику.

Текст и фото
проф. Н. А. Соловьевой

О КИТАЙСКОЙ ВАЗЕ И РУССКИХ ДЕТЯХ: «ИДИОТ» В ПОСТАНОВКЕ Э. НЯКРОШЮСА

Современный театр, все чаще требуя от зрителя не только внимания и сопереживания, но и творчества, интеллектуального напряжения, стремится стать своеобразной гимнастикой для ума. «Сегодня, – как замечает Марк Захаров, – в нашу перенасыщенную информацией эпоху, надо скорректировать идею автора так, чтобы она обязательно заинтересовала людей, а не воспринималась ими как некая хрестоматийная ценность». Подобная позиция идейных метаморфоз, смещения эмоциональных акцентов и странных изгибов мотивно-образной ткани художественного произведения нашла отражение в одном из спектаклей, ставшем ярким событием нынешнего театрального сезона. Его премьера состоялась еще осенью на сцене Малого театра в рамках V Международного театрального фестиваля «Сезон Станиславского», проходившего в Москве с 29 октября по 18 ноября 2009 года. Художественный руководитель театра «Мено Fortas» Эймунтас Някрошюс шесть лет назад поразил российского зрителя своей постановкой «Вишневого сада» А. П. Чехова. На этот раз литовский режиссер предложил нам по-новому прочесть роман Ф. М. Достоевского «Идиот».

В спектакле Някрошюса центральное место отведено не репликам героев, не декорациям, не свету и не музыке, хотя каждый из перечисленных элементов умело вплетается в общую канву действия. Главное в этом заново рождающемся мире – жест. Для Някрошюса драматическое начало творчества Достоевского, кажется, заключено именно в телодвижении. Оно позволяет очертить образ, выразить внутреннюю интенцию героя, объяснить происходящее. Создается впечатление, что жест, подобно другим материальным формам выражения, – в частности, реквизиту, то и дело неожиданно появляющемуся на сцене, – нередко вырастает из слова, на ко-

тором останавливает свое внимание режиссер. Жест у Някрошюса как будто проявляет, укрупняет, порой даже несколько утрирует «тайну» внутреннего человека, делая зримой и очевидной пластичность словесного образа. А потому разве кого-то может удивить Настасья Филипповна (Эльжбиета Латенайте), которая отгораживается от окружающих ногой, «утюгом» описывающей у них перед носом полукруг? Героиня Достоевского, будто Хома Брут из гоголевского «Вия», очерчивает около себя границу, защищающую ее от всевозможной нечисти. Интересно, что внешний облик inferнальной Н. Ф. Барашкиной в спектакле подчеркнуто аскетичен и прост.

Следует сказать, что ассоциация с гоголевским «Вием» возникает в сознании не случайно. Мотив беспричинного страха, какой-то экзистенциальной растерянности и любовного «недоразумения» проходит через все действие. Своеобразным символом заброшенности героев из некоего иного мира становятся одинокие «бесстенные» двери, через которые появляются и в которых исчезают, чтобы снова появиться и исчезнуть, Настасья Филипповна, Рогожин, Мышкин... Возникает ощущение, что перед зрителем на примере того или иного персонажа разворачивается внутренняя борьба человека, желающего повзрослеть, преодолеть какие-то выстроенные им самим преграды, научиться выражать свои мысли, общаться с окружающими, совершать значимые поступки, наконец, жить. Это мужнины, которые пытаются удержать (еще один жест!) от страданий женщин и парадоксальным образом ничего не могут сделать для этого. Это женщины, кажется, навеки «застывшие» на перекрестке подросткового возраста...

По Някрошюсу, у Достоевского, действительно, если не «все – дети», то, по крайней мере, все – подростки. Наиболее ярко в этом плане сыг-

рана роль Аглаи Епанчиной (Диана Ганцевскайте), которая своим поведением удивительным образом напоминает Лизу Хохлакову из «Братьев Карамазовых»... И дело совсем не в детских кроватках, куклах, игрушечных лошадках и удерживающих клювом письма дятлах, время от времени занимающих основное пространство сцены. Это похоже скорее на какое-то неловкое движение рук и ног, первый шаг из уютного дома на улицу. Правда, «в мир» русские рыцари Печального Образа отправляются с некоторым опозданием. Может быть, поэтому в их изломанном теле – исполненная боли, в прямом смысле изогнувшаяся в своем страдании (как у Аглаи) или растоптанная (как у Гани) душа?..

Мышкин (Даумантас Цюнис) в постановке Някрошюса – тот, кто «мешает», – нарушитель спокойствия и гармонии принятого миропорядка. Не случайно он начинает барабанить по клавишам пианино в тот момент, когда Елизавета Прокофьевна (Маргарита Жемайте) играет на инструменте. Прозрачной эту метафору делает другой жест – Настасья Филипповна, пытающейся исполнить на собственных волосах, как на струнах, неведомую для вне положенного ее внутреннему миру зрителя мелодию. Струны живой души в конце спектакля окажутся перерезаны ножницами смерти, однако рогожинский жест может быть истолкован также как слово священника, совершающего таинство крещения.

Христианской символике, несомненно, отведено центральное место в спектакле. В избранном Някрошюсом сквозном образном ряду (дерево – вода – зеркало) вода и дерево видятся продолжением главного для всех героев жеста – креста. В первую очередь, это молитвенное слово князя Мышкина. Однако едва заметно шестиконечный крест прорисовывается уже в сцене вечера у Настасьи Филипповны: вода, льющаяся тонкой струей из высоко поднятого бокала героини на шею погрязшего во лжи Фердыщенко (Витаутас Румшас мл.), продолжает линию человеческого тела, заставляя героя наклонить голову вправо и как будто открыть для очищения свою несправедливую левую «сторону» души. Образ Крестного пути соотносится, с одной стороны, с воздушными вертикалями и горизонталями, проводимыми рукой Настасьи Филипповны; а с другой – с тонкими «почтовыми» шестами, к которым прикреплены упомянутые игрушечные дятлы, и деревянной «гробовой» доской, оказывающейся попеременно то у Рогожина (Сальвиус Трепулис), то у Барашкиной, то у Ардалиона Александровича Иволгина (Витаус Румшас). О том, что все происходящее имеет символический смысл, напоминает и нарастаю-

щий на протяжении всего спектакля звук забиваемых гвоздей...

Аутентичные романские жесты (например, разбитая Мышкиным ваза или обмен крестами между князем и Парфеном Рогожиным) помещаются режиссером в пространство вечности: прибегая к приемам кинематографии, Някрошюс заставляет время остановиться; неожиданно для зрителя важнейший момент действия возвращается, повторяясь несколько раз. Насколько оправданно такое обращение с художественной деталью, является ли этот прием иллюстрацией одной из особенностей поэтики русского писателя или просто призван озадачить пришедших на спектакль вопросом о том, как в каждом сегодняшнем жесте и поступке проступает непреходящий смысл, – решать, конечно, нам: режиссер подчеркнуто беспристрастен и внешне отстранен от зрителя.

Очевидно, что человек, пришедший на спектакль, длящийся пять с половиной часов, незаметно для себя сможет увлечься, абстрагироваться от традиционных временных мерок только при условии, если ему предложат поистине занимательный ребус, в котором будет присутствовать как элемент узнавания, так и неизвестный компонент. Успешность интеллектуальной задачи (и для составителя, и для того, кто ее решает) зависит от правильно выбранного соотношения данного и искомого. Някрошюсу, несомненно, удалось соблюсти верную пропорцию, хотя некоторые «иксы» остались странным «довеском» в стройной алгебраической композиции. Зачем, например, Гане (Вайдас Вилюс) – при всем его явном inferнальном серебролюбии – большие красные очки на глазах? Разве нельзя князю Мышкину обойтись без волчьего воя? Чем обусловлено предпочтение некоторых менее значимых сцен более значимым?..

Русские «дети», по Някрошюсу, несут в себе что-то первобытное, противостоящее цивилизации. В них есть дикая, азиатская, а может быть, варварская, исполненная страхов несостоятельность и некое чисто-сердечное, таинственное, непостижимое логике и разуму стремление к образу, идеалу, порой не осознанному и не раскрытому в полной мере ими самими. Пожалуй, Някрошюс не пытается сказать своим спектаклем ничего принципиально нового, однако ему удается как нельзя более ярко показать, что в знакомом и понятном всем подчас можно увидеть неразгаданное, необычное, причудливое, наконец, чудесное. Наверное, в этом и заключается секрет настоящего искусства...

Текст Ольги Кочетковой
Источник фото: буклет
«Сезон Станиславского 2009»
(ред. Елена Груева)

КОНФЕРЕНЦИЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

5–7 мая 2010 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге прошла вторая конференция молодых исследователей «Современные методы исследования в гуманитарных науках». Эта междисциплинарная конференция объединила молодых исследователей из разных городов России и других стран (Италии, Латвии и Эстонии).

Всего на конференции было представлено более 60 докладов (из них около 40 посвящены филологическим проблемам, остальные – культурологическим, историческим и искусствоведческим). В «филологических» секциях принимали участие студенты и аспиранты филологического факультета МГУ, представляющие разные кафедры факультета (кафедры русского языка, теории литературы, истории русской литературы, русской литературы XX века, истории зарубежной литературы).

На конференции присутствовали известные специалисты, что также обеспечило

высокий уровень заседаний: культуролог и филолог К. А. Богданов, специалист по творчеству А. Платонова В. Ю. Вьюгин, специалист по традиционной и религиозной культуре А. А. Панченко, исследователь творчества А. Радищева А. А. Костин, пушкинист Т. А. Китанина, исследователь древнерусской литературы А. Г. Бобров и другие.

Участники из МГУ сделали несколько ярких докладов. Особенно запомнились Алла Бурцева («Языковая аномалия как отражение культурного диалога: роман А. Платонова “Чевенгур”»), Степан Неклюдов («Проблемы интерпретации романа “Бесы” в свете характерологии Достоевского»), Ольга Сурикова («“Антисоветские” принципы отбора в самиздатовской периодике и их практическое применение (на примере журнала “Феникс”, 1961)»). Наиболее живое и интересное обсуждение докладов развернулось в секции, посвященной XVIII веку, на которой также вы-

ступали участники из МГУ: Н. Цветкова, М. Магала и Е. Крюк.

Очень хорошая организация, высокий уровень представленных работ, теплая атмосфера конференции – все оставило самые приятные впечатления. Участники были признательны Диане Ильиной, лаборантке Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, ответственному секретарю конференции, благодаря которой такое яркое событие состоялось во второй раз.

Самое важное на конференции, наверное, вопросы. Ведь любой подобный научный диалог – это возможность посмотреть на свою работу с другой, порой неожиданной стороны, узнать мнения профессионалов, в том числе из другой – литературоведческой, лингвистической или культурологической сферы, наметить новые пути исследования. После чтения докладов каждый из участников мог услышать

множество комментариев к своей работе, ряд полезных советов, рекомендаций, уточнений и вопросов.

Дискуссии со старшими и молодыми коллегами продолжались во время «кофейных пауз», а также вечером, во время прогулок по берегам Невы. Пожалуй, неформальное общение оказалось не менее важным, чем сами выступления: ребята, занимающиеся разработкой смежных тем, с легкостью находили общий язык, так что помимо научных связей конференция положила начало дружбе многих молодых исследователей.

Несмотря на то, что конференция проходила только второй раз, для всех её участников очевидно, что она состоялась и будет развиваться дальше. С уверенностью можно сказать, что в следующем году Пушкинский Дом соберет немало новых молодых исследователей, а его «старые» друзья постараются не пропустить яркий момент научной жизни.

Екатерина Крюк

РЕФОРМЫ, ВПЕРЕД!

Реформы в образовании – в отличие от многих других сторон российской жизни – не застыли за последние годы в задумчивой позе буриданова осла, но все стремительнее мчатся вперед. Этот бодрый галоп работники образования встречают без восторга, а чаще с тревогой и даже с ужасом: сколь бы ни был хорош замысел, но неизвестно еще, где опустит копыта троянский конь перемен. Но голос ученого сообщества не должен издавать одни скорбные вздохи: надо внятно заявить, какие реформы нужны высшей школе – и уже затем сверить полученный список с государственной практикой.

Начнем с того, что уже свершилось – с единого государственного экзамена.

ЕГЭ – это благо. Что в ходе экзамена у большинства школьников возникает неодолимое желание по малой нужде позвонить родителям и их друзьям-академикам; что самих родителей столь же неодолимо влечет сделать напоследок что-то существенное для школы вообще и конкретных учителей в частности; что многие инвалиды детства догадались о своей инвалидности за месяц до экзаменов; что школьники из южных республик знают русский язык лучше москвичей; что прием документов напоминает теперь первомайское шествие – все это общеизвестно. Но все это невинные шалости, все это – издержки роста. Результаты ЕГЭ подчиняются статистическим законам, следовательно, незаслуженный балл немногих не скажется на шансах большинства, если же баллы завышают большинству – то и здесь шансы поступающих не изменятся. Теперь каждый школьник может быть спокоен: пусть вместе с ним поступит пара лоботрясов, – и тем труднее придется им на ближайшей сессии, – его удача зависит только от его желания и воли.

Процедура вступительных экзаменов – дело совсем иное, здесь еще надо доказать, что ты «свой» или, как говорят преподаватели, «мы должны видеть тех, кого будем учить».

Вступительные экзамены, в первую очередь, есть род подстраховки: «Пусть ты был хорошим школьником, но еще неизвестно, сможешь ли ты учиться в нашем вузе». Это верно, но ненормально: ведь ненормально,

что средний школьный аттестат ничего не говорит о действительных знаниях ученика; ненормально и то, что между высшей и средней школой лежит такая бездна недоверия – словно они существуют в разных государствах или в разных столетиях. Единый госэкзамен и был создан для того, чтобы школьник мог предъявить институту не формальную справку об окончании школы, но ясную и точную оценку своих знаний. Конечно, трафаретный госэкзамен – это не беседа с умным профессором, но и здесь не грешно обратиться к статистике: на одного проницательного профессора из столичного вуза приходится десятки экзаменаторов, которые не разбираются толком ни в людях, ни в преподаваемой науке.

До сих пор мы толковали о вступительных экзаменах как об элементе образовательной системы. В то же время это еще и социальное явление – и весьма своеобразное: всеобщее для народа и судьбоносное для каждого, оно при этом свободно от внешнего контроля. Такое сочетание – верный рецепт злоупотреблений и коррупции. В самом деле, даже письменная работа есть «вещь в себе» (особенно на гуманитарных специальностях), но теоретически ее можно перепроверить, а устный экзамен – просто праздник самоуправства и безнаказанности. Против этого зла и направлен заряд единого госэкзамена – ЕГЭ публичен и проверяем, его не спрячешь за плотными дверями приемных комиссий; отклонения массовых злоупотреблений от средних показателей вычисляются автоматически. Конечно, коррупция не может выветриться из образования, как дурной сон: было бы странно ожидать, что в нашей стране, с головы до пят мучимой этим недугом, образование вдруг делается оазисом чистоты и целомудрия. Но если сравнить то, что было, с теми изменениями, которые произошли, то с легким сердцем можно сказать: новые правила и справедливее, и честнее.

«Тесты отобьют у школьников творческое начало», – говорят противники единого госэкзамена. Но ясно ли помнят они собственные школьные годы? Верно ли они помнят, что в последнем классе только и помышляли о поступлении, только и занима-

лись поступлением; все прочее было заброшено и забыто. Но даже в этих – едва ли не боевых условиях – всегда оставались силы для творческих излияний на уроках литературы. В конце концов, ведь не от сугубого безделья даже на войне пишут стихи и ведут записки: слово всегда найдет себе дорогу. Сочинения утратили статус экзаменационной работы: но это лишь будет на пользу и сочинителям, и сочинителям. Теперь, когда от «нераскрытой темы» больше не зависит судьба автора, этот жанр вернется к утраченной форме свободного интеллектуального упражнения, воспитывающего ясность мысли и глубину впечатлений.

Тест – это лучшая форма экзамена по литературе. У математиков под рукой другие приемы: доказанная теорема или решенная задача определяют квалификацию поступающего. А что такое «нераскрытая тема» – что стоит за этим приговором? Нежелание думать или неумение читать? Неловкость в письме или неопытность в школьных сочинениях? На литературном экзамене надо оценивать только знание литературы, а не «уровень развития личности» и ее умение писать сочинения: правильные тесты делают это возможным. Ведь не вводят вступительных экзаменов по основам морали и правилам хорошего тона, не испытывают смекалку и не проверяют общий кругозор – хотя преподавателям, конечно, было бы приятно встретить в родных стенах сплошь людей благовоспитанных и разносторонних.

Три ступени: бакалавр – магистр – доктор. Единый госэкзамен укрепляет лишь фундамент высшей школы, но подлежат переделке и верхние этажи. Уже повсеместно высшее образование делится на две ступени: «бакалавр – магистр»; уверен, что скоро к ним прибавится и третий уровень: «доктор философии» (Ph.D.). Вторая ступень позволит старшекурсникам улучшить образование и уточнить жизненные интересы. Как было? 17-летний подросток приходил в институт с мамой и школьным аттестатом и тем определял свою будущность до самой пенсии. При сильном желании разрешали перевод в другой вуз, но чаще недовольные просто отчислялись, шли в армию, на завод и т. д. –

все это пути трудные в исполнении или сомнительные для репутации. Второе высшее образование – удовольствие платное и недешевое; немногие могут его позволить, и уже единицы – найти в своей взрослой жизни довольно времени для учебы. Теперь же бакалавр может уверенным шагом направиться в другой институт и поступить туда на общих основаниях.

Ждут перемен и высшие ступени образования – хотя бы затем, чтобы карьерные успехи русских ученых признавались и вдали от отечества. За аспирантское сочинение в американском университете присуждается высшая ученая степень «доктора философии» – московский аспирант устает от нее только «кандидатом» и лишь начинает грезить о докторском звании. Этот странный и несправедливый порядок, пришедший из тех времен, когда русские ученые не могли и мечтать о зарубежной карьере, должен быть исправлен.

Не семестры – модули. Перемены придут и в повседневный распорядок высшей школы. В одном из столичных вузов мне довелось познакомиться с так называемой «модульной» системой обучения. Учебный год делится не на два семестра с их месячными сессиями, но на четыре модуля: каждый модуль длится где-то два месяца и кончается недельной сессией – зато в сравнении с семестром на один модуль и предметов меньше выпадает. Такой график располагает к вдумчивому постижению наук – ведь уже не надо разбрасываться на десяток разнообразных дисциплин. Доводится туго только ценителям веселого студенческого разгула: при высоком темпе обучения издержки от прогулов и несданных работ гораздо выше – да и сессия вечно рядом; одним словом – не забалуешь. Модульный принцип приближает учебу к обычным трудовым будням, где что ни день – то сессия. От модулей можно избавиться разве «младшекурсников» – из одного сострадания, но на старших курсах эта система будет очень полезна.

Здесь можно и остановиться: довольно сказано, чтоб напугать одних и вызвать на разговор всех прочих.

Владимир Попов

Кого и что проверяет ЕГЭ?

Несколько лет назад, еще до того, как ЕГЭ начал свое триумфальное шествие, слушатели курсов повышения квалификации педагогов спросили у лектора, действительно ли ЕГЭ войдет в нашу повседневную жизнь (тогда еще многие надеялись, что этого удастся избежать). И он ответил, что ЕГЭ имеет множество недостатков, его единственное достоинство состоит в том, что это самый простой способ контроля, именно поэтому он скорее всего будет внедрен в практику. Так и получилось.

Тогда никто не предполагал, что это будет не только контроль уровня знаний учеников, но и кнут, занесенный над школьной администрацией и педагогами. Судите сами: если в 2006–2007 учебном году перед экзаменом было проведено всего 2 пробных ЕГЭ по русскому языку в 11-м классе (других ЕГЭ не было), то в 2009–2010 учебном году 2 пробных ЕГЭ по этому предмету планируется провести только в 1-м полугодии, помимо этого добавилось еще 2 пробных ЕГЭ по математике. Со 2-го полугодия к ним присоединяются еще и ЕГЭ по всем другим предметам. Кроме того, введены пробные ЕГЭ в 9-м и в 10-м классе, которые проходят в течение учебного года и называются «диагностической работой», но суть их от этого не меняется. По всем этим работам преподаватель должен отчитаться в РУНО. В Москве на данный момент работу школьного преподавателя контролируют 4 независимых организации: МИОО (институт открытого образования), МЦКО (центр качества образования), система СТАТГРАД и РУНО. Все эти организации присылают свои контрольные срезы... Как не вспомнить пословицу: один с сошкой, семеро с ложкой. Любому, кто имеет какое-либо отношение к педагогике, понятно, что учебный план в таких условиях полноценно быть выполнен не может, а школьники находятся в жесточайшей перегрузке, как психической, так и физической, потому что все учебные часы, которые потрачены на проведение и разбор пробных ЕГЭ и диагностических работ, им приходится восполнять самостоятельно за счет увеличения домашнего задания.

Идеальный итоговый экзамен должен, в первую очередь, проверять те знания, умения и навыки, которые будут востребованы после окончания школы. К таким навыкам относится практическая грамотность, умение связно излагать и оформлять на письме свою мысль в простой и понятной форме. Именно поэтому в качестве контрольных работ в школе предлагались диктанты, изложения и сочинения.

Один из основных недостатков ЕГЭ в том и состоит, что он имеет лишь косвенное отношение к проверке практической грамотности. Большая часть вопросов, поставленных в ЕГЭ, носит сугубо теоретический характер. Колоссальный труд, затраченный на подготовку к ЕГЭ, теряет смысл. Если человек профессионально не занимается филологией, вряд ли ему пригодится в дальнейшей жизни умение отличать неопределенноличные предложения от безличных или знание того, что, например, слово «выход» образовано не приставочным, а бессуффиксным способом. Эти сведения полезны с точки зрения расширения кругозора, но для рядового гражданина гораздо полезнее оказывается умение писать без ошибок (во всех развитых странах это показатель того, что ты относишься к определенной социальной группе).

Если раньше перед преподавателем русского языка стояла тяжелая, но понятная и благородная задача – научить детей писать без ошибок, то теперь задача совсем другая – добиться, чтобы школьники успешно сдали ЕГЭ. На первый взгляд практическая грамотность частично контролируется заданиями части «А», но это только на первый взгляд. Психологами доказано, что, окончив школу, мы проверяем правильность написания чаще не по правилу, а по образцу, по модели (подробнее см. работы Г.Г.Граник, С.Н.Шаповал, С.Л.Штильмана и другие).

Реально практическая грамотность проверяется лишь в части «С». Но даже совершенно безграмотный ученик, выполняя часть «С», может потерять не более 8 баллов из 60 (по 2 балла соответственно за орфографические, пунктуационные, речевые и грамматические ошибки, сколько бы он их ни сделал).

До введения ЕГЭ школьники сдавали по выбору устный экзамен по русскому языку в форме комплексного анализа текста. Надо было вставить в предложенный отрывок текста пропущенные буквы и запятые и ответить на ряд вопросов теоретического характера. В такой же форме, только письменно, проводился вступительный экзамен по русскому языку в ряде вузов, например, в МГТУ им. Баумана. Почему же не проводить ЕГЭ в такой форме? Такой экзамен более достоверно покажет реальный уровень практической грамотности, и это приведет к значительному увеличению количества «неудов» по ЕГЭ.

Известно, что если в 2006–2007 учебном году, когда ЕГЭ по русскому языку проводился в Москве впервые, процент получивших «неуд» был около 13, то в 2008–2009 количество «неудов» по Москве составило всего 2,2%... Выросли знания? Ничего подобного! Просто из ЕГЭ убрали все те вопросы, которые представляли наибольшую сложность для учащихся. Например, убрали вопрос на знание фонетики, когда учащимся предлагалось определить число букв и звуков в слове. Естественно, следующим логичным шагом должно быть исключение раздела фонетики из курса русского языка, если знание этого раздела не проверяется на государственном экзамене. Так можно дойти до того, что не стоит вообще изучать русский язык, поскольку некоторые разделы оказываются сложными для понимания школьников.

ЕГЭ по русскому языку в том виде, в котором он существует сегодня, трудно сдать на «два», поскольку его составители постарались исключить или переформулировать те вопросы, по которым было меньше всего правильных ответов в прежние годы. Но по ЕГЭ трудно получить балл, близкий к максимальному, т.е. такой балл, который в вузе считали бы «пятеркой». Перед составителями, по-видимому, стояла задача ограничить число учащихся, которые могли бы учиться не на платном, а на бюджетном отделении. Именно поэтому в ЕГЭ включены такие вопросы, которые не имеют однозначных ответов, причем, включены в части «А» и «В», которые проверяет компьютер (ошибки в этих частях нельзя апеллировать). Вот примеры таких вопросов. Они взяты из пробных вариантов ЕГЭ.

Диагностическая работа для 10-го класса, выполнялась 12 мая 2009 года. Вариант 3, вопрос В3. Выписать из предложения словосочетание со связью примыкание. В отве-

тах дается лишь один вариант: «постоянно ведут». Однако в предложении есть еще одно словосочетание с таким типом связи: «ее красоты». Хотя подобные конструкции можно воспринимать в качестве примера словосочетания со связью согласование, в методических материалах по подготовке к ЕГЭ, издаваемых как приложение к газете «Первое сентября», их предлагается рассматривать именно как примыкание.

Диагностическая работа для 11-го класса, выполнялась 15 октября 2009 года. Вариант 2, задание В1. Предлагается определить способ образования слова «захотев». Если считать дееспричастие самостоятельной частью речи, как предлагает школьная грамматика, то, конечно, дееспричастие образуется суффиксальным способом, как это написано в ответе. Но ведь можно рассматривать причастие и дееспричастие как формы глагола, тогда суффикс дееспричастия не будет входить в основу и будет не словообразующим, а формообразующим.

Именно на таких вопросах теряют баллы те ученики, уровень знания которых выше среднего.

При устном ответе или на олимпиаде по русскому языку ученик, хорошо разбирающийся в предмете, может показать, что он знает о существовании различных точек зрения на ту или иную лингвистическую проблему. Но включать такие вопросы в единый экзамен некорректно.

Отдельно следует говорить о критериях проверки части «С» (сочинения). Понятно, что трудно подобрать идеальные критерии для оценки творческой работы. На августовском совещании педагогических работников говорилось о том, что многие сочинения, удовлетворяющие критериям, производят тяжелое впечатление, т.к. перед экспертами проходит череда штампов. Нередки случаи, когда посредственная работа оценивается выше интересной, оригинальной и творческой, потому что одна укладывается в прокрустово ложе критериев, а другая нет. Но оценка сочинения, а также тексты, которые предлагаются в ЕГЭ – это сложная тема, которая выходит за рамки данной статьи. Точно так же, как и вопрос о содержании и объеме ЕГЭ по русскому языку в 9-м классе...

Сторонники ЕГЭ, как правило, ссылаются на зарубежный опыт, в частности, на опыт США, где подобная система действует эффективно. Не говоря о том, что у нас не поступившие в вуз мальчики по закону должны быть призваны в армию, следует упомянуть о еще одной очень важной детали – об уровне общественного сознания. В США высокий или низкий балл по итоговому тесту у школьника является личной проблемой данного школьника (может быть, до определенного возраста – проблемой его родителей). Результаты теста приходят на дом вместе с конкретными рекомендациями, какие именно разделы курса надлежит доучить. Низкая оценка так и называется: «need improving» – «нуждается в улучшении». Результат итогового теста остается закрытым и для администрации школы, и для других учащихся. Итоговый тест в США – это не инструмент для контроля работы администрации и педагога (для этого существуют другие способы), это именно оценка уровня знаний школьника.

Еще очень существенно, что для поступления в вуз или колледж принимаются не результаты одного итогового теста, как у нас,

а суммарный балл тестов, выполненных учащимся за несколько лет обучения в средней и старшей школе. В дополнение к результатам тестов ученик обязательно сдает характеристику из школы, она не менее важна, чем результаты экзаменов. Например, если ученик когда-то во время обучения в школе был пойман на списывании, это обязательно будет отражено в его характеристике, и приемная комиссия вуза учтет этот факт.

В США процесс обучения построен на доверии, не случайно все тесты проходят в родной школе ученика, но проверяются независимыми экспертами. Каким-то образом подделать результат почти невозможно. У нас исходно система образования построена на недоверии. Учитель не доверяет ученику, администрация школы не доверяет учителю, РУНО не доверяет администрации и т.д. Но качество образования от этого не улучшается. Из средств массовой информации мы, к сожалению, знаем, что имеют место случаи фальсификации результатов экзаменов. Раньше это были итоговые аттестаты, теперь результаты ЕГЭ. В этой ситуации было логично, что вуз не доверял школе и сам отбирал среди поступающих тех, кто удовлетворял требованиям данного вуза.

Противники ЕГЭ часто ссылаются на то, что результаты экзамена не отражают объективного состояния знаний, умений и навыков учащегося. Сторонники ЕГЭ говорят, что если ученик способный, то он в состоянии хорошо подготовиться и получить по ЕГЭ высокие баллы. Это правильно, но проблема гораздо глубже. ЕГЭ в том виде, в котором он сейчас существует, разрушает сложившуюся систему обучения в старших классах. Прогнозировать последствия невозможно, но уже сейчас очевидно, что в прошлом учебном году во втором полугодии был существенно нарушен учебный процесс в 11-м классе. Во-первых, бесконечные «репетиции» ЕГЭ по всем предметам, во-вторых, подготовка к экзаменам в форме теста и параллельные ей попытки изучать материал в традиционной форме (ведь учебный план никто не сокращал).

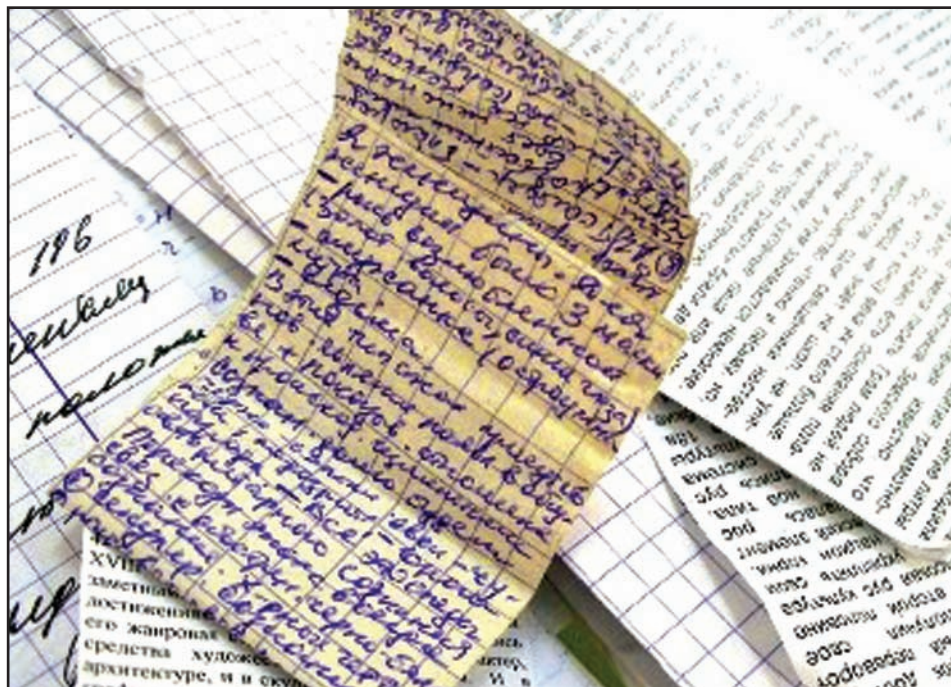
Не следует забывать, что в нашей стране преподаватели гуманитарных дисциплин традиционно осуществляли еще и просветительскую, культурологическую миссию. Ведь русское слово «образование» происходит от слова «образ», это не совсем то, что английское «education», которое скорее можно перевести как «обучение». Конечно, останутся в школе преподаватели-подвижники, которые будут решать одновременно две задачи: и готовить к ЕГЭ, и формировать разносторонне образованную гармоничную личность, – но таких преподавателей будет все меньше. Ведь одним из основных показателей работы преподавателя в нашей стране является именно то, насколько успешно его ученики сдают ЕГЭ.

Возникает вопрос: у ЕГЭ так много противников и так мало сторонников, почему же этот опыт получает такое распространение? На мой взгляд, это происходит потому, что ЕГЭ идеально вписывается в рамки бюрократизации образования. «По форме – правильно, по сути – издевательство», как сказал какой-то классик совсем по другому поводу.

Учитель русского языка и литературы А.А. Чумаченко

Пишите, пишите шпаргалки!

Если ваши родители и преподаватели станут уверять, что шпаргалок они не писали, не верьте. Писали мы шпаргалки. А что было делать? Ни Интернета, ни компьютеров – только книги. Вот и сидишь, читаешь, выписываешь, что вычитаешь, на узенькие полоски бумаги (заготовка для «гармошки»). А куда потом эти «гармошки» рассовывать? И как не запутаться в них на экзаменах? Переписываешь по второму разу – на четвертушки тетрадного листа (никаких А4 в помине не было, только школьные тетрадки). Переписываешь сам, собственной рукой (а то разбейся потом в чужом почерке!), выписываешь самое главное (а до него еще докопайся), чтоб на этой самой четвертушке как раз один билетный ответ поместился. Долго? А куда деваться? Самое досадное, когда время потратишь, шпаргалки напишешь – и можно спокойно оставлять их дома: все нужное уже обнаруживаешь в собственной голове.

То ли дело сейчас! Подойди к любому книжному киоску в университете, выложи рублей 30–50 и имей «шпаргалку» по любому предмету: отпечатано четко, в типографии, разрежь по пунктиру, и на твоей ладони надежная колода карт размером (как при царе Горохе!) в четвертушку тетрадного листа, а на каждой карте – ответы на все вопросы. Тогда вперед! Иди, сдавай!

И вот сидишь на экзамене, например, по философии. Готовишься, читаешь незаметно, что принес. А принес, что приобрел, – «конспект+шпаргалку» под названием «Философия. Экзаменационные ответы» (М.: Буклайн, переиздается ежегодно).

Читая первую страницу, узнаешь, что философия зародилась 4–4,5 тыс. лет назад в государствах Двуречья

Тигра и Евфрата, Древней Греции и Древнего Египта. Это в первом абзаце. А во втором: уже «научная философия» возникла в Индии, Китае и Древней Греции 2,5 тыс. лет назад. В теме №4 уточнено: «философия возникла в обществе рабовладельческой демократии, в III–IV вв. до н.э.». Когда ж она возникла, философия, где? И была ли рабовладельческая демократия в Китае и Индии? В теме №1 есть еще уточнение: греческая философия – родоначальница философии науки. Так что ж там, в древности, зародилось – философия, научная философия или философия науки? Похоже, для составителей пособия это все едино – так сказать «три в одном флаконе». (Согласится ли с этим экзаменатор?!). А в теме №2 говорится еще о философии как о «совокупной науке», в то время как в теме №3 «философия наукой в чистом виде не является».

С религиями, упоминаемыми в пособии, разобраться не легче: иудаизм и буддизм, как сказано, – «древние религии, которые имели в себе зачатки философии», и возникли 3 тыс. лет назад (с.3). Гаутама Будда (даты его жизни указаны на с.16: 540–483 гг. до н.э.), таким образом, родился на несколько веков после того, как появилась религия, основателем которой он был.

В даты, указанные в пособии, лучше не всматриваться. Так, философия марксизма, как сказано на с.49, формировалась в период с 1830-х до конца 1840-х годов. Приведены и даты жизни ее «создателей и творцов»: К.Маркс (1818–1883) и Ф.Энгельс (1820–1895). В результате несложных расчетов мы узнаем, что одному из них, когда он приступил к «формированию марксизма», было 12 лет, а

другому – 10. Вот уж поистине гении человечества! Или марксизм «формировался» без Маркса, как и буддизм без Гаутамы Будды? Тем более, что на с.60 сказано, что учение К.Маркса «явилось результатом гегелевской системы».

Что касается Платона (даты жизни его указаны), то он «состоялся как философ под влиянием идей Сократа и Аристотеля» (с.23, тема №23). Даты жизни Аристотеля тоже указаны, но уже в теме №25, которую, вероятно, писал другой человек, а третьего человека – для сопоставления дат – не было. Вот и получилось, что Платон – ученик Аристотеля, а не наоборот.

Или другой пример. Блаженный Августин, живший в IV–V вв., оказался «проповедником католической церкви» (с.29), которая, как известно, воз-

никла после разделения христианства на две ветви в 1054 г. Католичество возникло в XI веке, а Августин уже за 600 лет до этого был его проповедником!

В пособии умудрились изложить древнюю индийскую философию, не упомянув Упанишад (может, не слышали о них?); буддизм, не упомянув о страдании, четырех благородных истинах и восьмеричном пути преодоления страдания; даосизм, не упомянув о понятиях дао и дэ.

Все это мелочи. Главное – составители пособия знают понятия нашего времени, можно сказать, живут по понятиям. И, если какие-то философские термины кажутся им устаревшими, темными, они решительно обновляют их, освещая потрясающим смыслом. Вот были в средние века номинализм и универсализм. Это как же себе представить? Универсалы – еще туда-сюда, на универсамы похо-

же. А что такое попен? НОМИНАЛ (с.35)! И всем ясно. Или: Кузанский – выдающийся представитель пантеистической философии – ну что это? Надо поправить: ПОНТеистической философии (с.39) – каждый поймет, что такое понт. То же и с Кантом: какие максимы? МАКСИМУМЫ (с.54), жить надо, г-н Кант, современно, по максимуму, особенно человеку, который вовремя понял, что главное – собственность, и написал книжку «Критика СОБСТВЕННОСТИ суждений» (с.54).

Обновленный смысл можно вдохнуть и в великие имена. Зачем «Антисфен»? Для ученика Сократа современнее «АнтиФЕН» (с.27). И что это за Ф.Бэкон? БЕкон (с.47)! Даже на вкус понятно. И что за нелепое имя – Шеллинг? Ф.ШИллинг (с.51) – звучит? Звучит, вот то-то.

С некоторыми словами, бывает, сразу не разобраться. Например, с противоречием между гностицизмом и агностицизмом, «над которым стремятся подняться современные неотомисты» (с.86). Или не лучше – с «антологией (учением о бытии)» (как на с.86), но тогда что такое онтология? Тоже, вроде, учение о бытии. Поступили мудро: в главе 46 о проблеме бытия в истории написали один раз так, второй раз иначе, без объяснений (с.93).

Иногда так зачитываешься, что начинаешь спотыкаться на ерунде. Вот, например, отец «философии жизни» – А.Шопенгауэр (с.45). А кто ее основоположник? Ф.Ницше (с.46). Это как понять? А никак. Вообще студенту сдающему понимать не надо. Он, когда сдает, и понимать-то ничего не способен. Ему главное – иметь в кармане или под партой для духа спокойствия какие-то слова, чтоб не молчать, когда перед «преподом» сядет. А тот тоже такого наслушается за сессию, что понимает еще меньше...

Но издатели-то «шпаргалки» должны что-то понимать?! Они понимают: в сессию реорле (то бишь студент) все «схавает»! Издатели получают свои «бабки». А вот получит ли зачет по такой «шпаргалке» студент?!

Не надежнее ли по старинке – прочитать текст, законспектировать (хоть в тетрадку, хоть на «гармошку»), а потом при желании можно выписать своей рукой на четвертушки тетрадного листа самое существенное (больше туда не поместится), мелко-мелко, – и оставить все дома. На память. И – на экзамен! Успех гарантирован.

Так что пишите шпаргалки. Пишите. Сами!

А. В. Ермакова,
доцент философского факультета

Глаголица

Газета филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Электронная версия газеты в Интернете:
www.philol.msu.ru/faculty/newspaper

Редколлегия: А. Холиков (административные вопросы), Ф. Ермошин, Г. Майоров, Л. Головина, О. Кочеткова.

Студенческий редсовет: М. Власова, Л. Жданова, Е. Крюк, М. Полякова.

Авторы: А. Холиков, Е. Белавина, Н. А. Соловьева, О. Кочеткова, Е. Крюк, В. Попов, А. А. Чумаченко, А. В. Ермакова.

Благодарим за возможность издавать газету декана филологического факультета проф. М. Л. Ремневу.

Благодарим за помощь в подготовке номера Е. Г. Домогацкую, Ю. Н. Симоненко, Е. В. Тупикину, А. Трипалину.

При перепечатке ссылка на газету «Глаголица» обязательна. Мнение редколлегии может не совпадать с позицией авторов публикаций. Некоммерческое издание. Тираж 500 экз. Подписано в печать 02.06.2010. Отпечатано в типографии ордена «Знак Почета» Издательства Московского университета. 119991, Москва, ул. Академика Хохлова, 11. Заказ